

**СИМВОЛ – ВОЗМОЖНО ЛИ ОБЪЯТЪ НЕОБЪЯТНОЕ
(К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СИМВОЛА
В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ)**

Юлиана Чакырова

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского

**SYMBOL – IS IT POSSIBLE TO GRASP THE IMMENSITY
(TOWARD THE PROBLEM OF SYMBOL EXPLORATION
IN LINGUOCULTUROLOGY)**

Yuliana Chakarova

Paisii Hilendarski University of Plovdiv

The study provides suggestions for consistent and not contradictory presenting in fundamental works within the discipline of one of the key concepts in linguoculturology – *symbol*, as well as some ideas that could be the basis of building solid methodology for exploring this complex phenomenon. My analysis of a large amount of relevant sources has shown that often they refer to authors, schools and opinions that disagree with each other or with the main stream of understanding of the symbol within the discipline while giving no explanation of the differences or the reasons for that. The paper touches upon some ideas of the most relevant schools and disciplines that are in agreement with the aims of linguocultural analysis and argues that together they can build a strong theoretical basis for studying linguocultural symbols.

Key words: symbol, cultural symbol, semiotics of culture, linguoculturology

Принцип символизма с его универсальностью, значимостью и общеприменимостью – волшебное слово, то самое «Сезам, откройся!», которое позволяет войти в специфически человеческий мир, в мир человеческой культуры.

Э. Кассирер¹

Лингвокультурология – очередная наука, в которой феномен *символ* считается одним из центральных. Настоящая работа ставит себе **целью** выявить проблемные зоны, связанные с употреблением соответствующей лексики в лингвокультурологических работах, а также аргументировать необходимость ясно оговаривать принятое и использованное в конкретном исследовании значение этого ключевого понятия – столь многогранного и в конечном счете несовпадающего в толковании разных школ и авторов. Ясное указание на параметры символа, на генезис понятия, на школы и ученых, которые задают его сущность и теоретические основания, использованные в определенной работе, снимет возникающие противоречия, связанные с изучением этого феномена в рамках указанной дисциплины. Только тогда анализ символа в парадигме лингвокультурологии станет не только *мультидисциплинарным* (под этим мы понимаем привлечение данных – иногда несогласованных между собой – разных наук), но и по-настоящему *интердисциплинарным* (когда привлекаемые из разных наук данные «работают» в коллаборации, без противоречий и дополняют друг друга). Напомним, что использование «совместимых доказательств» (*converging evidence*) является одним из основных постулатов когнитивной лингвистики (Эванс, Грин 2006: 17), к которой тяготеет лингвокультурология. Все это послужит надежным фундаментом для построения непротиворечивой методологии анализа символа. На этот последний вопрос стоит посвятить отдельное исследование.

Анализ лингвокультурологического дискурса не оставляет сомнения в том, что символ является одним из ключевых понятий и терминов лингвокультурологии. Можно утверждать, что он – неотъемлемый **элемент ядра** терминологического аппарата дисциплины. Это более чем естественно. К символу отсылает базовый постулат лингвокультурологии о культуре как «символическом универсуме» (термин Э. Кассирера), в котором языковые знаки служат вербализацией культурных концептов. В культуре символу отводится уникальная роль, он считается своеобразным «языком лингвокультуры» (Алефиренко 2010: 238 и сл.). Наиболее

¹ Кассирер 1998: 480.

ценными для лингвокультурологии считаются именно «те определения культуры, в состав которых вводится символический аспект» (там же: 53). В. В. Красных выделяет совокупность основных символов культуры как одну из ее четырех подсистем (Красных 2013: 12 и сл.). Являясь самым устойчивым элементом культурного континуума, «пронизывая толщу культур» (Лотман 1987: 12), символы служат стержнем, не дающим культуре распасться на отдельные хронологические пласты; они считаются механизмом сохранения единства культуры: «Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» (там же). В связи с этим уровень символики считается наиболее национально специфичным (Федосеева 2015: 98 и сл.). Значение этого уровня лингвокультуры ставится во главу угла: «[...] трудно переоценить значение национальной символики» (Зиновьева 2016: 31). Об осознании символов в качестве неотъемлемой части лингвокультуры свидетельствует также следующий факт: знание разного рода символов, названное «семиотической компетентностью», считается элементом национальной лингвокультурной компетентности (Городецкая 2007: 17). Поэтому проблематика, имеющая отношение к изучению символов, не может не быть в центре внимания лингвокультурологии, занимающейся национально-культурной спецификой языковых единиц и категориями культуры, представленными в языке.

С другой стороны, как утверждает тонкий знаток славянской народной культуры А. А. Потебня, именно в лингвокультурологии культурные символы могут изучаться полноценно: «[...] только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа, а не с произволом пишущего» (Потебня 2000: 9). Символ считается одной из единиц изучения, входящей в предмет лингвокультурологии (см. Маслова 2004: 36, 42 – 43 и сл.) или же в ее задачи (Токарев, Токарева 2016: 65). Символ (наряду с другими феноменами, как архетип, тотем, фетиш, ритуал, оберег, стереотип, мифологема) является элементом симболария культуры (или ее словаря), считающегося одним из базовых для лингвокультурологии метаязыковых понятий (Телия 1999: 21). А в одной из авторитетных школ, исследующих культурно маркированные явления и их представленность в языке, символы считаются синонимом основных единиц изучения – логоэпистем: «[...] их можно назвать символами чего-то, стоящего за ними [...]» (Верещагин, Костома-ров 1999: 7), и таким образом возвеличены в ранг главного. Близкая точка зрения выражена и другими исследователями (см., напр., Иванова, Чанышева 2010: 105). Символ рассматривается с разных перспектив – в ре-

кламе, в языковой картине мира (приведем только в качестве иллюстрации некоторые работы пловдивских молодых лингвистов: Тенчева 2011; Миланова 2016). В последние годы вплоть до сегодняшнего дня символ является также фокусом исследования научных коллективов в рамках разных проектов, результатом работы которых являются как статьи (приведем только в качестве иллюстрации такие, как напр. Токарев 2020; Токарев, Чернева 2020; Токарев 2021), так и словари, включающие богатый набор символов (Токарев, ред. 2021)...

На фоне описанного положения дел, однако, озадачивает тот факт, что данный ведущий термин часто принимается *a priori* в фундаментальных лингвокультурологических работах, без определений и специальных оговорок (или же с кратким определением, не снимающим его противоречивость), а мнения ученых с сильно отличающимися точками зрения о природе символа и его отношении к знаку представлены как якобы согласованные и не противоречащие друг другу. Таким образом, остаются не совсем ясными ответы на вопросы о том, на каком научном фундаменте лежит понимание природы символа в лингвокультурологии (или же в конкретной работе), из каких постулатов исходят его исследователи, а также одинаковы ли они у всех авторов.

Например, в ряде базовых учебников и пособий по лингвокультурологии термин *символ* никак не дефинирован, а используется как общеизвестное понятие, притом часто остается без особого внимания: см. Иванова 2004; Питина, Шкатова 2006; Хроленко 2008; Иванова, Чаньшева 2010; Дервяго 2017 и др. Иногда даже и те авторы, которые более подробно занимаются вопросами символа – напр. упоминают его происхождение, виды, функционирование, все равно не предлагают ясной дефиниции самого понятия, напр. Воробьев 2006; Зиновьева 2016. Без дополнительных объяснений утверждается, что значение термина в русской (культурологической) семиотике связано с идеями Ч. Пирса (Воробьев 2006: 38; Токарев, Токарева 2016: 136) при известном факте несовпадения значения термина в пирсовской и европейской семиотических традициях. Или же в специально посвященной культурным символам работе рядом, без какого-либо уточнения, упоминаются Ч. Пирс и Ф. де Соссюр... (напр. Тен 2007). При объяснении специфики символа утверждается, с одной стороны, что «вся символическая деятельность человека прежде всего его язык и культура, имеют материальное основание», все материально и «может быть сведено к мышечным сокращениям» (Алефиренко 2010: 243) (т.е. принимается постулат когнитивной лингвистики о «воплощенном» значении, о телесном опыте), а с другой, одновременно, без разъяснений концептуальных

различий, упоминается Ф. де Соссюр (для которого языковые знаки немотивированы) и говорится об условности символа (Алефиренко 2010: 243). Этот ряд можно без усилия продолжить.

Между тем, несмотря на широкий спектр употребления данного термина (в разных сферах познания и школах), а, может быть, именно поэтому, обозначаемая им сущность является одним из самых расплывчатых и неопределенных. Данный факт подчеркивался рядом выдающихся исследователей, которые подробно занимались этим феноменом: «Слово ‘символ’ одно из самых многозначных в системе семиотических наук» (Лотман 1987: 10). Подобная точка зрения выражена и доайеном современной семиотики У. Эко (1984: 131), который не без иронии утверждает, что иногда попытки предоставить непротиворечивое определение символу абсурдны, а якобы «плодотворность» результатов состоит в утверждении, что символ может означать одновременно все и ничто. Указание на «загадочность», «туманность», «противоречивость» символа является скорее нормой, чем исключением (см. среди прочих Карпенко 2002: 186; Романовская 2009: 39 и др.). Н. Ф. Алефиренко является одним из немногих авторов учебников и учебных пособий, эксплицитно выражающих эту мысль в связи с лингвокультурологией: «Содержание понятия ‘символ’ пока не имеет достаточно четкого очертания [...] Множественность и разнообразие точек зрения по этому поводу порождают различные, иногда даже взаимоисключающие, способы понимания содержания и смысла термина ‘символ’» (Алефиренко 2010: 236).

Далее постараемся выявить основные проблемы, связанные с употреблением термина без специальных оговорок.

Первая проблема связана с тем, что встречается **терминологическое и нетерминологическое употребление лексемы *символ***. Кроме попутных заметок об этой проблеме, есть специальные публикации, посвященные ей: см., напр., Мечковская 2008, в которой особо подчеркивается такая опасность при омонимии слова общего языка и термина (как в обсуждаемом случае), причем, по мнению Н. Б. Мечковской, различия здесь довольно резкие, начиная с денотативного уровня, не говоря уже о содержательном (с. 55). Речь идет о параллельном употреблении лексемы в обыденной речи (т.е. представленности символа в так называемой «наивной» картине мира) и в научных исследованиях. В обыденном языковом сознании семантический объем анализируемого понятия шире. Об этом свидетельствуют дефиниции в толковых словарях, которые в самом общем плане включают предмет или действие, условно представляющие какую-либо идею; так же широко употребляется лексема и в разных по-

пулярных материалах, ср. [X] – символ всего поколения миллениалов; Якорь – символ надежды; символы силы Рейки; символ красного кристалла (в других источниках все эти «защитные» изображения – крест, полумесяц, исцеляющая рука – называются еще то знаком, то эмблемой²) и т.д. Как можно увидеть, при таком употреблении символ приравнивается знаку нетерминологически, а может использоваться в одном ряду и с другими лексемами, обозначающими близкие понятия. Ср. употребления типа 8 символов мира и их значения в заголовке общественнопопулярной статьи, а в содержании – *знак мира, знак V, эмблема красного креста, эмблема Pax Cultura...* (Symbols Archive URL); или: *символ квадрат – это древний знак земли* (Symboly URL). В таких случаях не совсем ясно, как они могут представлять национальную специфику и при помощи какого научного аппарата проводить анализ. Любая наука, однако, нуждается не в наивной, а в научно обоснованной терминологии, вписывающейся в определенные теоретические рамки.

Другая проблема состоит в том, что лексемы *символ* и *символический* являются полисемантами не только на перекрестке **обыденного и научного знания**. Даже при их употреблении в терминологическом значении эта многозначность не снимается. Любая попытка приблизиться к значению термина сталкивает исследователя с разными лицами этого ускользающего понятия, представленного по-разному в отдельных дисциплинах и направлениях, школах, у отдельных авторов. Описанная ситуация убеждает исследователя в том, что невозможно думать об общем инварианте значения, удовлетворяющего условиям всех областей познания и всех временных пластов, в которых используется данная лексема. Одновременно, ситуация делает очевидной необходимость более точного дефинирования этого ключевого для лингвокультурологии термина – именно в рамках указанной дисциплины. Выдающийся семиотик Ю. Лотман тоже указывал на обязательность точной дефиниции: «[...] лингво-семиотическая система ощущает свою неполноту, если не дает своего³ определения символа», притом «каждая система знает, что такое ‘ее символ’, и нуждается в нем для работы семиотической структуры» (Лотман 1987: 10 – 11).

Просмотр фундаментальных лингвокультурологических изданий убеждает нас в том, что понятие *символ* не совпадает у отдельных авторов; неоднозначно понимается также соотношения символа и обозначающей его языковой единицы. Наиболее полно вопрос о символе

² Между тем, квадрат, исцеляющая рука – это иконы по терминологии Ч. Пирса, в то время как кристалл – чистая конвенция.

³ Разрядка оригинала.

представлен в учебниках В. А. Масловой (см. Маслова 2004) и Н. Ф. Алефиренко (Алефиренко 2010). В них можно найти не только дефиницию этого понятия, но и описание его функций, сопоставление со смежными понятиями и т.д. По Масловой, *символ* – это «**вещь, награжденная смыслом**»⁴ (Маслова 2004: 102), от которой автор разграничивает языковой символ, или *слово-символ* (там же: 97 и сл.). Н. Ф. Алефиренко, со своей стороны, определяет символ как «знак совершенно особого рода, исполняющего роль знакового медиума» (Алефиренко 2010: 238). Далее без какого-либо объяснения у него появляются два термина – *символ* и *словесный символ*, которые употребляются иногда альтернативно; между ними «перепрыгивается» без специальной оговорки (с. 238 – 241), т.е. символ воспринимается то как вещь, то как языковой феномен. Наиболее последовательное проведение различий, на наш взгляд, предлагается в работах В. Телия (и ее школы⁵), в которых «собственно символ» – это предмет, артефакт или персона, а роль языкового символа видится в смене значения языковой сущности на символическую функцию, причем значение слова отправляет не к конкретному референту, а по ассоциации – к некоторой идее. С целью разграничения реалии от языкового знака вводится термин *квазисимвол*⁶ (Телия 1996: 243).

Положение осложняется наличием прямо противоположной точки зрения у других выдающихся исследователей в области лингвокультурологии, при том не всегда однозначно выраженной. В более ранних работах В. В. Красных называет символ, с одной стороны, «культурным предметом»; но в той же работе появляется утверждение о наличии двух равнозначимых сторон: сам «предмет» (А) и замещающее – *собственно (!) символ* (Б) (Красных 2006). Позднее, в другой работе, «культурный предмет» заменен на более неопределенный термин «единица культуры» (неопределенный, потому что такой единицей может быть и физический предмет, и слово), но потом уже предоставля-

⁴ Курсив и жирный шрифт оригинала.

⁵ См., напр., цитированные здесь работы Г. В. Токарева.

⁶ Оставим в стороне вопрос об удачности выбора самого термина ввиду наличия и негативной коннотации префиксоида *квази-*. Ср. толкования в словарях, обязательно включающих семы ‘мнимый, ложный, ненастоящий’ – *квазинаука, квазиспециалист...* (напр. в Большом толковом словаре русского языка, 1998 г.); также часто упоминается соответствие русскому *лже-*. Кажется, эти семы не могут не активироваться в семантической памяти даже и при терминологическом употреблении этого элемента в значении ‘похожий, но не тождественный’. Конечно, это просто вопрос выбора терминологии, но нам кажется более удачной оппозиция терминов *символ* – *вербальный символ*.

ется более точное определение символа как «языковленное, поименованное⁷ представление о некоем «предмете», выполняющем символическую функцию, который был определенным образом осмыслен, переосмыслен и занял свое место в культуре» (Красных 2013: 16). Как выглядит, для В. В. Красных *символ* – это то, что у В. А. Масловой и Н. Ф. Алефиренко *словесный символ*, а у Телия *квазисимвол*. Дополнительную неясность вводит употребление термина в ряду *символ – эталон – знак*. Для В. В. Красных они синонимы: символ – это одна из сторон знаков-эталонов (Красных 2006), для школы В. Телия (квази)эталоны – это знаки, отражающие представления о стандартах свойств и качеств человека (Токарев, Токарева 2016: 63, 71).

По словам В. В. Красных, «ведущая роль в изучении лингвокультуры как объекта когнитивных исследований должна и будет принадлежать лингвистам» (Красных 2013: 17), поэтому теперь обратимся к вкладу **лингвистики** в этот казус. К сожалению, требования объема работы заставляют нас остановиться, притом коротко, только на самых эмблематичных точках зрения.

Естественно, начнем с «отца» структурной лингвистики – Ф. де Соссюра. Он ясно различает знак и символ и **выводит символы за пределы пространства знаков**, а главная причина этому – наличие мотивированности: «Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым» (Соссюр 1977: 101). Таким образом, описанное отношение к символу, бытующее в ведущей на протяжении более пятидесяти лет прошлого века (структуралистской) методологии гуманитарных исследований, приводит к маргинализации символа (и его роли в познании) во многих областях научного знания.

Отличается от этого понимания точка зрения немецкого психолога К. Бюлера – создателя одной из самых значимых теорий языка. На самом деле оказывается, что основополагающее также для когнитивной лингвистики понимание языка как символизирующей системы представлено им почти 100 лет назад. Для К. Бюлера символ (наряду с симптомом и сигналом) является одной из сложных семантических функций языкового знака (Бюлер 2011: 35).

Поскольку лингвокультурология тяготеет к постулатам **когнитивной лингвистики** и ищет точек соприкосновения (некоторые ученые даже выделяют в первой 2 вида, один из которых – когнитивная лингвокультурология: см., напр., одноименное название научной

⁷ Курсив автора настоящей статьи.

школы Н. Ф. Алефиренко; Сергиенко 2019 и др.), то представляется уместным специально подчеркнуть, что употребление термина *символ* в некоторых ведущих теориях когнитивной лингвистики в определенных пунктах отличается от принятого в лингвокультурологии. Это тоже деталь, на которую никогда не обращается внимание в лингвокультурологии. Понятие *символа* и *символизации* является основным во взглядах Р. Лангакера: автор считает символические структуры фокусом анализа его теории – когнитивной грамматики. Лангакер определяет *символ* как такую связь между семантической и фонетической структурами лексической или грамматической единицы, в которой одна структура может вызвать другую в сознании, притом «лексика и грамматика формируют градацию, состоящую единственно из групп символических структур»⁸ (Лангакер 2008: 5). Утверждается, что язык имеет символическую функцию и создает систематические связи между концептуализациями и наблюдаемыми феноменами – напр. звуками и жестами (там же: 6). Но его постулат о символической функции языка может создать ошибочное впечатление о совпадении со взглядами Ч. Пирса. Поэтому стоит подчеркнуть, что, во-первых, символическая структура у Лангакера – не знак (знак в его терминологии называется фонетической структурой), а **связь** между полюсами семантической и фонетической структуры; она существует в них, инкорпорируя оба конца, поэтому она **биполярна** (там же: 16). С другой стороны, мотивированность символических структур провозглашается Лангакером одним из основных философских принципов его грамматики: язык «[...] обоснован и объясним с точки зрения своих семиологических и интерактивных функций, также как и его биологической, когнитивной и социокультурной базы. Когнитивные и функциональные лингвисты считают, что практически все в языке **мотивировано**»⁹ (там же: 6). Именно в этом последнем утверждении можно найти точки соприкосновения с пониманием символа в культурологии. Приведем еще один аргумент: мотивированность как раз и представляет собой результат первичного чувственного (телесного) опыта, связанного с существованием человека и вещей вокруг него – а это основной тезис и в философии культуры, о которой пойдет речь дальше. Только нельзя забывать факт, что в школе когнитивной грамматики не выделяются символы культуры, этот вопрос остается вне поля интереса, потому что ведущим постулатом является универсальность человеческого мышления.

⁸ Перевод с английского и болгарского на русский в работе сделан автором настоящей статьи.

⁹ Жирный шрифт оригинала.

Лингвокультурология находится ближе к пониманию других представителей когнитивной лингвистики. Ср. попутное уточнение, внесенное авторами Теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Ученые различают символизм языкового означающего (последовательности звуков) от культурного и религиозного символизма, которые считаются специфическими случаями метонимии, мотивированными концептуальной системой и энциклопедическим опытом человека (напр. голубь как символ Святого духа – Лакофф, Джонсон 1980: 40).

Иллюстрированная **амбивалентность термина** (символа как знака вообще и символа как культурного феномена, нагруженного дополнительным значением) в очередной раз подчеркивает необходимость оговаривать теоретическую базу и понимание в ней феномена символа. Это особенно важно в исследованиях, прямо заявляющих использование когнитивной оптики (напр. Соколова 2006), потому что в когнитивной грамматике, например, значение символа сильно отличается от культурологического.

В русскоязычной лингвистике наиболее детально и углубленно представлен символ у Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1999: 337 – 346). Несмотря на то, что в фокусе анализа находится «наивная» семиотика, представляется, что он вполне может быть использован и в научном дискурсе. Его познавательная ценность не только для наивной, но и для научной картины мира обусловлена тем, что в гуманитаристике содержательное расстояние между той и другой значительно короче, чем в природных науках (Мечковская 2007: 190). Представление о символе и смежных понятиях (таких, как образ и знак) в «обыденном» языковом сознании дано по словарям и вообще включает только нормативное употребление (которое не обязательно совпадает с использованием лексем любым носителем языка, ср. синонимичное употребление *дарить в знак любви / как символ любви*, что разграничивается в научном описании). Кроме того, приводятся определения символа в строго научных источниках: энциклопедическом словаре, философской энциклопедии (что отражает научное, а не обыденное восприятие). Таким образом, это исчерпывающее описание может послужить стабильным фундаментом в лингвокультурологических исследованиях. Но факты свидетельствуют о том, что в фундаментальных источниках оно упоминается редко и довольно сжато, попутно, при помощи одного их аспекта (Маслова 2004: 106 – все-таки упоминается одно из отличий от знаков, выведенное Н. Д. Арутюновой; Токарев, Токарева 2016: 62 –

упоминается единственно императивность символа, о котором говорится в исследовании Н. Д. Арутюновой).

В силу того, что символ является основным термином **семиотики**, его анализ в рамках этой научной дисциплины не может не быть релевантным в контексте нашего исследования. Язык культуры шире вербального языка и включает также восприятие ряда предметов и явлений действительности в качестве символов иной сущности. Поэтому выглядит вполне логичным, что лингвокультурология, точно так же, как и культурология, «читает» свой предмет через семиотику. Именно аппарат семиотики (в ядре которой находится знаковая система) считается некоторыми авторами наиболее надежным при системном изучении элементов лингвокультуры: «Все свойства единиц – знаков, наделенных значениями, способна опосредовать лишь семиотическая модель как способ их системной организации и одновременно модель исследования» (Воробьев 2006: 38). Но обращение к доайенам теории создает серьезную проблему (или, по выражению Р. Миленковой-Киен, «невралгическую точку»¹⁰, 1999: 58) – это терминологическое и концептуальное несоответствие мнений в ведущих школах и теориях по поводу самой сущности символа. С одной стороны – это последователи пирсовского понимания символа, а с другой – соссюрковского. Объективная возможность найти точки соприкосновения и параллели между пирсовским и соссюрковским пониманием знаков не устраняет терминологического несоответствия. В фундаментальных лингвокультурологических работах, если и есть ссылка на источники, то не упоминается существенный факт: у Ч. Пирса символы – это **один из трех видов знаков**, это **знаки**, отсылающие к денотату «по силе закона» (Пирс 1994: 2.249), или «конвенциональные знаки» (там же: 4.56), и среди языковых знаков подавляющее большинство относится именно к символам (в его терминологии); в то время, как было уже отмечено, для Соссюра они отличаются от знаков и не представляют интереса по причине определенной связанности между означающим и означаемым. О целесообразности использования семиотического подхода как модели исследования говорит в своей «Лингвокультурологии» В. В. Воробьев (Воробьев 2006: 37). Выявляя, однако (вслед за немецким семиотиком Г. Клаусом), якобы отсутствующее в эксплицитном виде упоминание реального предмета в трехкомпонентном семиозисе в стиле Ч. Пирс – Ч. Моррис¹¹, В. В. Воробьев упускает, на наш

¹⁰ Перевод с болгарского на русский сделан автором настоящей статьи.

¹¹ На самом деле, в семиотике Ч. Пирса – Ч. Морриса включение предмета действительности указано эксплицитно: «Семантика имеет дело с отношением знаков к их десигнатам и тем самым к объектам, которые они обозначают (денотируют)

взгляд, релевантное отличие этой ветви семиотики от культурологической семиотики. Такая ссылка на Ч. Пирса присутствует, как было указано, и в учебнике Г. Токарева и И. Токаревой (2016: 136). Упоминание пирсовской классификации и условности символа выглядит недостаточно информативным, потому что далее без особого разграничения подчеркивается, что символы – своеобразные ключевые знаки культурной парадигмы, хранящие в сжатой форме программу *определенной культуры* (там же: 138), что связывает их с другой концепцией символа (такой, представленной в культурной семиотике и антропологической философии) и противоречит утверждению об их конвенциональности.

По силе связи с культурой для лингвокультурологии скорее релевантна связь с **семиотикой культуры**. Но кажется, что многим фундаментальным исследованиям не хватает эксплицитного объяснения этой связи. Определяя теоретическую основу лингвокультурологии, ученые специально аргументируют указанный подход: «Культурно-семиотический подход позволяет систематизировать разнообразие лингвокультурных деталей» (Токарев, Токарева 2016: 136). «Идеологи» лингвокультурологии сходятся на том, что «[с]емиотический подход к рассмотрению феномена культуры создает предпосылки для анализа взаимодействия ее «языка» с естественным языком на *едином методологическом основании*. Это дает основание для использования в лингвокультурологии общего как для языка, так и для культуры метаязыка» (Телия 1999: 19). Вскоре после этого Ю. С. Степанов отмечает «новую» сферу применения семиотики – концептологию (Степанов 2001: 6, 40 – 41). Такой взгляд на использование семиотического подхода в качестве концептуальной рамки лингвокультурологии разделяют и другие авторы: при нем «культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как форма существования данного содержания» (Клоков 2000: 60).

Для представления проблем в лингвокультурологии, возникающих при использовании этой концептуальной рамки без оговорки, мы выбрали самого эмблематичного русскоязычного семиотика культуры – Ю. М. Лотмана. Его имя упоминается почти всегда в базовых источниках, а его определения активно цитируются. Нигде, однако, мы не

или могут обозначать (денотировать)» (Моррис 2001: 63). Ч. Моррис говорит о реальном предмете действительности довольно подробно: «Никакого противоречия не возникает, когда говорят, что у каждого знака есть десигнат, но не каждый знак соотносится с чем-либо реально существующим. В тех случаях, когда объект референции **реально существует** [жирный шрифт в этих цитатах добавлен автором настоящей статьи], этот объект является *денотатом*» (там же: 49).

нашли объяснения несоответствий между лотмановским пониманием архаичности символа и многократными утверждениями о том, что лингвокультурология – синхронная дисциплина. Ср. у Ю. М. Лотмана:

- [С]тержневая группа их действительно имеет *глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе* [...]
- [С]имвол *никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры* — он всегда *пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения.*
- Являясь *важным механизмом памяти культуры*, символы переносят тексты, сюжетные схемы и другие семиотические образования из одного ее пласта в другой.
- [Символ] посланец *других культурных эпох* (= других культур), как напоминание о *древних* (= «вечных») основах культуры. С другой стороны, символ активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует.¹²
(Лотман 1987: 11 – 12)

Мы позволили себе включение нескольких цитат, чтобы показать, что утверждение о диахронности самого феномена является не каким-то единичным и маргинальным упоминанием, а *стержнем* в понимании Ю. М. Лотмана. Нет никакого сомнения в том, что это понимание отлично известно специалистам-лингвокультурологам. Но утверждение о синхронной перспективе лингвокультурологии поднимает ряд вопросов: может ли тогда символ быть настоящим объектом изучения и можно ли исчерпывающе его изучать в рамках этой науки, о которой вдоль и поперек постулируется, что она – *синхронная* наука; в этом видят ее *существенное* отличие от этнолингвистики, среди основных задач которой – реконструкция культурных и мифологических¹³ представлений (Телия 1999: 16; такая же точка зрения мультиплицирована во многих базовых источниках, напр. Хроленко 2008: 24 – 25; Токарев, Токарева 2016: 6); что имеется в виду под синхронной перспективой (только фиксация наличия символа в современном языке и речи?); если ответ на вышепоставленные вопросы положителен, как анализировать символ вообще, если не при помощи *реконструкции* концепта и *комментирования* его этимологии, как объяснять основу ассоциаций и метафо-

¹² Дополнения слов в квадратных скобках, а также курсив сделаны автором настоящей статьи.

¹³ Как увидим дальше, если символ и миф возникли вместе и были неразграниченными, то возникает вопрос, где настоящая граница между этнолингвистикой и лингвокультурологией.

рических связей и т.н. Нам кажется, что культурный символ нельзя изучать только в синхронической перспективе, но если исследователи придерживаются другой точки зрения, то ее надо уговорить.

Поскольку символ имеет эстетико-философский фундамент и является плодом человеческой культуры, в исследовании такого рода кажется также важным очертить и **релевантные идеи философии**, связанные с символом. В связи с требованиями объема данной работы, однако, это можно более полно сделать в отдельном исследовании. Здесь ограничимся только одной из концепций – это концепция Э. Кассирера, к которой оказываются довольно близкими интерпретации символа в лингвокультурологии, но – опять – это не выражается эксплицитно в фундаментальных источниках. Э. Кассирер отводит символу ключевую роль в развитии духовного мира человека – до степени, обуславливающей превращение способности пользоваться символами в главную характеристику человека. Немецкий философ называет субъекта, находящегося в центре символического универсума, *animal symbolicum* (Кассирер 1998: 471), а вслед за ним В. Телия выбирает близкий термин *homo symbolicus*¹⁴ (Телия 2004: 678).

Представляется, что существенным для лингвокультурологических исследований символа является понимание и детальные рассуждения Э. Кассирера о генеалогии данного феномена. Ссылаясь на Ф. фон Гумбольдта (со своей стороны – ученика Гердера и Канта), Кассирер постулирует идею о языке не как продукте, а как непрерывном процессе обновления, в течение которого человек все яснее видит очертания собственного «космоса»; именно энергия языка просветляет и упорядочивает «мутный хаос не более чем мимолетных состояний» (Кассирер 1998: 19). И это происходит именно посредством *языковой символики*. Здесь особенно важно подчеркнуть, что имманентными и тесно связанными элементами так называемого «символического универсума» являются язык, миф, искусство и религия. Оставим в стороне вопрос о первичности мифа или языка. Н. Ф. Алефиренко однозначно утверждает, что якобы Кассирер постулировал примат первого (Алефиренко 2010: 72), но на самом деле это не отвечает реальности. Да, немецкий философ говорит о том, что мир языка и познания, также как и мир искусства, права и нравственности первоначально как бы связаны в мифически религиозном сознании (Кассирер 2001: 354), но эта связанность не означает первичности мифа; скорее всего имеется в виду их одновременность:

¹⁴ В орфографии автора – *Homo cimbolikus*.

Эта связь столь тесна, что вряд ли когда-нибудь можно будет на основе эмпирических данных установить, что из них – миф или языки – оказывается впереди в этом движении к общему, к универсальным формированиям и понятиям.

(Там же: 353)

Тесная их переплетенность и корреляция определяются одинаковыми духовными мотивами и им же подчиняются. Их общность обязана не чему иному, как *метафорическому мышлению*. (На связь символа с метафорой и метонимией обращает внимание В. А. Маслова, 2004: 66). Вот пункт, к которому можно перебросить мост с Теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (и о котором сами создатели теории обычно не упоминают).

То, что мы обычно называем мифологией, есть таким образом лишь небольшой остаток общей стадии развития нашего мышления, слабая продолжающаяся жизнь того, что некогда составляло *полное царство мысли и языка*¹⁵.

(Кассирер 2001: 376)

Далее сам Э. Кассирер цитирует более раннюю работу М. Мюлера.

Воспринять внешний мир, познать и понять, постигнуть и назвать его, было совершенно невозможно без этой фундаментальной метафоры, без *этой универсальной мифологии*, этого проникновения нашего духа в хаос объектов и восстановление их по нашему образу. *Началом этого второго творения духа было слово*¹⁶, и мы поистине можем добавить, что все было создано, т.е. названо и познано, посредством этого слова [...].

(Там же)

Сказанное выше определяет методологические основания при анализе символа обязательно обращаться к мифу / мифам, с которыми он связан, и искать связанные с ними концептуальные метафоры.

В заключение вышеприведенным рассуждениям сделаем обобщение.

Символ в лингвокультурологии – память культуры, органическая часть ее языка. Он помогает познать национально-специфическую ментальность этноса в перцепции окружающего мира и его аксиологическом осмыслении, проследить динамику ментальности, а также сопоставить ее с ментальностью другого этноса.

Именно такое понимание согласуется с антропоцентризмом лингвокультурологии, в отличие от «холодного» (по П. Паршину:

¹⁵ Курсив автора настоящей статьи.

¹⁶ Курсив в отрывке добавлен автором настоящей статьи.

1996: 22) системоцентризма структуралистского описания языка, где акцент делается на немотивированности знаков языка.

Многоликость понятия *символ* и исключительно широкая полисемантическая его названия создает проблемы при его научно корректном употреблении. Проведенный анализ иллюстрировал основные «невралгические» точки и очертил релевантные источники понимания символа в лингвокультурологии, которые не всегда упоминаются или же упоминаются неточно в фундаментальных работах. Так, если ссылаться на отца семиотики Ч. Пирса, то обязательно надо указать на его понимание символа как одного из знаков и на его конвенциональность. С другой стороны, по Ф. де Соссюру символ мотивирован, но именно поэтому не представляет интереса – таким образом, соссюрская концепция не может быть релевантной для лингвокультурологии, где символ находится в эпицентре исследований. Лингвокультурология близка к семиотике культуры в понимании Ю. М. Лотмана, но надо оговорить как согласуется постулируемая в лингвокультурологии синхроническая перспектива исследования на фоне ведущей характеристики символа как архаической единицы, *памяти* культуры, элемента, который можно растолковать не только и не столько в горизонтальной, сколько в вертикальной перспективе, докапываясь до глубин его возникновения. Понятие символа в лингвокультурологии согласуется и с концепцией Э. Кассирера, но это тоже относительно редко подчеркивается. Между тем, особенно плодотворной для анализа символического потенциала культурных концептов кажется его идея о первоединстве мифа и языка с порождающимися в нем метафорами по необходимости, для постижения окружающего мира.

Действительно, измерения символа и его пониманий необъятные, и это не новость. Включить все в единую теоретическую базу невозможно, да и ненужно, потому что некоторые из них несовместимы друг с другом. Но любому серьезному исследованию необходимо – с вниманием к деталям, к расхождениям и потенциальным недоразумениям в связи с омонимичными употреблениями вопросной лексики – уточнить свое непротиворечивое понятие символа. Корректное указание на концептуальные рамки и школы необходимо для избегания методологического хаоса и создания единой методологической базы для исследования этого ключевого для лингвокультурологии понятия. Предложенный анализ может послужить основой для подробного описания методологического «столба» изучения символа, а также символики культурного концепта в лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко 2010:** Алефиренко, Н. Ф. *Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка.* [Alefirenko, N. F. Lingvokul'turologiya. Cennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka.] Москва: Флинта, Наука, 2010.
- Арутюнова 1999:** Арутюнова, Н. Д. *Язык и мир человека.* [Arutyunova, N. D. Yazyk i mir cheloveka.] Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999.
- Бюлер 2011:** Bühler, K. *Theory of Language: The representational function of language.* John Benjamins Publishing Company, 2011.
- Верещагин, Костомаров 1999:** Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. *В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик.* [Vereshhagin, E. M., Kostomarov, V. G. V poiskah novykh putej razvitiya lingvostranovedeniya: kontseptsiya recheovedencheskih taktik.] Москва: Изд. Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, 1999.
- Воробьев 2006:** Воробьев, В. В. *Лингвокультурология.* [Vorob'ev, V. V. Lingvokul'turologiya.] Москва: Изд. Российского университета дружбы народов, 2006.
- Городецкая 2007:** Городецкая, Л. А. *Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема.* [Gorodetskaya, L. A. Lingvokul'turnaya kompetentnost' lichnosti kak kul'turologicheskaya problema.] Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии. Москва, 2007.
- Деревяго 2017:** Деревяго, А. Н. *Введение в лингвокультурологию для специальности «Русская филология».* [Derevyago, A. N. Vvedenie v lingvokul'turologiyu dlya spetsial'nosti «Russkaya filologiya».] Уч.-методический комплекс по дисциплине. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2017.
- Зиновьева 2016:** Зиновьева, Е. И. *Лингвокультурология: от теории к практике.* [Zinov'eva, E. I. Lingvokul'turologiya: ot teorii k praktike.] Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История, 2016.
- Иванова 2004:** Иванова, С. В. *Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм.* [Ivanova, S. V. Lingvokul'turologiya i lingvokognitologiya: sopryazhenie paradigm.] Учебное пособие. Уфа: РИО БашГУ, 2004.
- Иванова, Чанышева 2010:** Иванова, С. В., Чанышева З. З. *Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения.* [Ivanova, S. V., Chanysheva

- Z. Z. Lingvokul'turologiya: problemy, poiski, resheniya.] Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.
- Илиева 2016:** Илиева, Д. *Лингвокултурология: Същност и категориялен апарат.* [Ilieva, D. Lingvokulturologiya: Sashtnost i kategorialen aparat.] София: Софтрейд, 2016.
- Карпенко 2002:** Карпенко, А. В. Символ. Знак. Образ. [Karpenko, A. V. Simvol. Znak. Obraz.]// *Культура народов Причерноморья.* 2002, № 33, 186 – 190.
- Кассирер 1998:** Кассирер, Э. *Избранное. Опыт о человеке.* [Kassierer, E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke.] Москва: Гардарика, 1998.
- Кассирер 2000:** Кассирер, Э. *Избранное: Индивид и космос.* [Kassierer, E. Izbrannoe. Individ i kosmos.] Пер. с немецкого изд. 1927 г. Составитель С. Я. Левит. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000.
- Красных 2006:** Красных, В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований. [Krasnyh, V. V. Lingvokul'tura kak ob'ekt kognitivnyh issledovanij.] // *Вестник Московского университета.* Сер. 9. Филология. 2013, № 2, 7 – 18.
- Лакофф, Джонсон 1980:** Lakoff, G. and Johnson, M. *Metaphors We Live By.* Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Лангакер 2008:** Langacker, R. W. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction.* Oxford; New York: Oxford University Press, 2008.
- Лосев 1994:** Лосев, А. Ф. *История античной эстетики. Т. 8. Итоги тысячелетнего развития.* [Losev, A. F. Istoriya antichnoy estetiki. T. 8. Itogi tysyacheletnego razvitiya.] В 2 кн. Кн. 2. Москва: Искусство, 1994.
- Лотман 1987:** Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры. [Lotman, Yu. M. Simvol v sisteme kul'tury.] // *Труды по знаковым системам XXI.* Ред. тома Ю. М. Лотман. Тарту, 1987, 10 – 21.
- Маслова 2004:** Маслова, В. А. *Лингвокультурология.* [Maslova, V. A. Lingvokul'turologiya.] 2-е изд., стереотип. Москва: Изд. центр «Академия», 2004.
- Мечковская 2007:** Мечковская, Н. Б. *Семиотика: Язык. Природа. Культура.* [Mechkovskaya, N. B. Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura.] Курс лекций. 2-е изд., испр. Москва, Издательский центр «Академия», 2007.
- Мечковская 2008:** Мечковская, Н. Б. Лексема *символ* в общем употреблении и в гуманитарных терминологиях (о статье А. А. Романовской «Символ в отношении к лингвистике, семиотике, коммуникации»). [Mechkovskaya, N. B. Leksema *simvol* v obshhem

- upotreblenii i v gumanitarnyh terminologiyah (o stat'e A. A. Romanovskoj «Simvol v otnoshenii k lingvistike, semiotike, komunikatsii»). // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2008, № 2, 54 – 58.
- Миланова 2016:** Миланова, Е. Символът на коня в китайската култура. [Milanova, E. Simvolat na konya v kitayskata kultura.] Сборник с доклади от Международната конференция на тема «Дипломатически, икономически и културни отношения между Китай и страните от Централна и Източна Европа». Велико Търново: Фабер, 2016, 132 – 139.
- Миленкова-Киен 1999:** Миленкова-Киен, Р. *Увод в семиотиката*. [Milenkova-Kien, R. Uvod v semiotikata.] София: Санра, 1999.
- Моррис 2001:** Моррис, Ч. У. Основания теории знаков. [Morris, Ch. U. Osnovaniya teorii znakov.] // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001, 45 – 97.
- Паршин 1996:** Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века. [Parshin, P. B. Teoreticheskie perevoroty i metodologicheskij myatezh v lingvistike XX veka.] // *Вопросы языкознания*. 1996, № 2, 19 – 42.
- Петросян 2018:** Петросян, Ю. С. Символ: сущность и предназначение. [Petrosyan, Yu. S. Simvol: sushhnost' i prednaznachenie.] // *Herald of Omsk University* 2018, vol. 23, no. 4, 103 – 114.
- Пирс 1994:** Peirce, Ch. S. *The Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. 1994. <<https://colorysemiotica.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/08/peirce-collectedpapers.pdf>> (18.01.2024).
- Питина, Шкатова 2006:** Питина, С. А., Шкатова, Л. А. *Лингвокультурология*. [Pitina, S. A., Shkatova, L. A. Lingvokul'turologiya.] Краткий курс лекций и хрестоматия. Челябинск, 2006.
- Потебня 2000:** Потебня, А. А. *Символ и миф в народной культуре*. [Potebnya, A. A. Simvol i mif v narodnoj kul'ture.] Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. Москва: Лабиринт, 2000.
- Романовская 2009:** Романовская, А. А. Природа античного символа как лингвистического знака. [Romanovskaya, A. A. Priroda antichnogo simvola kak lingvisticheskogo znaka.] // *Мир русского слова*. 2009, № 4, 39 – 45.
- Сергиенко 2019:** Сергиенко, Н. А. Сопоставительная когнитивная лингвокультурология как новое научное направление в современной лингвистике. [Sergienko, N. A. Sopostavitel'naya kognitivnaya

- lingvokul'turologiya kak novoe nauchnoe napravlenie v sovremennoj lingvistike.] // *Политическая лингвистика*. 2019, № 6 (78), 37 – 43.
- Соколова 2006:** Соколова, В. В. *Когнитивный аспект представления символа в параллельных поэтических текстах*. [Sokolova, V. V. Kognitivnyj aspekt predstavleniya simvola v parallel'nyh poeticheskikh tekstah.] Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа, 2006.
- Соссюр 1977:** Соссюр, Ф. де. *Труды по языкознанию*. [Saussure, F. de. Trudy po yazykoznaniiyu.] Пер. с французского под ред. А. А. Холодовича. Москва: Прогресс, 1977.
- Степанов 2001:** Степанов, Ю. С. В мире семиотики. Вводная статья. [Stepanov, Yu. S. V mire semiotiki. Vvodnaya stat'ya.] // *Семиотика: Антология* / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001, 5 – 42.
- Телия 1996:** Телия, В. Н. *Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. [Teliya, V. N. Russkaya frazeologiya: Semanticheskij, pragmaticeskij i lingvokul'turologicheskij aspektu.] Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Телия 1999:** Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. [Teliya, V. N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekte kul'tury.] // *Фразеология в контексте культуры*. Москва: «Языки русской культуры», 1999, 13 – 24.
- Телия 2004:** Телия, В. Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов. [Teliya, V. N. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov-mikrotekstov.] // *Сокровенные смыслы: Слово, текст, культура*. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Тен 2008:** Тен, Ю. П. *Символ в межкультурной коммуникации*. [Ten, Yu. P. Simvol v mezhkul'turnoj kommunikatsii.] Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Ростов-на-Дону, 2008.
- Тенчева 2011:** Тенчева, Б. За българската реклама като обект на изследване от гледна точка на културологията. [Tencheva, B. Za balgarskata reklama kato obekt na izsledvane ot gledna tochka na kulturologiyata.]

- // *Научни трудове на Пловдивския университет «Паусий Хилендарски»*. Т. 49, кн. 1, сб. Б, 2011 – Филология, 276 – 289.
- Токарев 2020:** Токарев, Г. В. Формирование квазисимволов на базе коннотации значений вербальных единиц. [Tokarev, G. V. Formirovanie kvazisimvolov na baze konnotatsii znachenij verbal'nyh edinitc.] // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, Педагогика, Психология*. 2020, № 3, 5 – 13.
- Токарев 2021:** Токарев, Г. В. Прагматика квазисимвола. [Tokarev, G. V. Pragmatika kvazisimvola.] // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2021. Т. 20, № 3: 142 – 150.
- Токарев, Токарева 2016:** Токарев, Г. В., Токарева И. Ю. *Введение в лингвокультурологию*. [Tokarev, G. V., Tokareva I. Yu. Vvedenie v lingvokul'turologiyu.] Тула: ТППО, 2016.
- Токарев, Чернева 2020:** Токарев, Г. В., Чернева, Н. К вопросу о признаках квазисимвола. [Tokarev, G. V., Cherneva, N. K voprosu o priznakah kvazisimvola.] // *Чуждоезиково обучение*. 2020. Т. 47, № 5, 508 – 519.
- Токарев, ред. 2021:** *Русско-болгарский словарь квазисимволов*. Отв. ред. Г. В. Токарев. Тула: ТППО, 2021.
- Федосеева 2015:** Федосеева, Л. Н. Символы в русском лингвокультурном сообществе. [Fedoseeva, L. N. Simvoly v rusском lingvokul'turnom soobshhestve.] // *Язык и культура*. 2015, 98 – 104.
- Хроленко 2008:** Хроленко, А. Т. *Основы лингвокультурологии*. [Hrolenko, A. T. Osnovy lingvokul'turologii.] 5-е изд. Москва: Флинта, Наука, 2008.
- Эванс, Грин 2006:** Evans, V. and Green, M. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2006.
- Эко 1984:** Eco, U. Symbols. // Eco, U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, 1984, 130 – 163.
- Эко 2003:** Эко, У. *Искусство и красота в средневековой эстетике*. [Eco, U. Iskusstvo i krasota v srednevekovoj estetike.] Пер. с итальянского А. П. Шурбелева. Санкт-Петербург: АЛЕТЕЙЯ, 2003.
- Symboly URL:** Символ Квадрат. // *Иллюстрированный справочник символов*. <<https://simvoly.su/simvol-kvadrat/>> (23.01.2024).
- Symbols Archive URL:** Word Symbols and Their Meaning. // *Symbols Archive*. <<https://symbolsarchive.com/symbols-of-peace-and-their-meanings/>> (23.01.2024).